

Анисимова Мария Сергеевна

**Мифологема «дом» и ее художественное воплощение
в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции
(на примере романов И.С. Шмелева «Лето Господне»
и М.А. Осоргина «Времена»)**

Специальность 10.01.01 - Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

**Нижний Новгород
2007**

Работа выполнена на кафедре русской литературы
ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Иванов Николай Николаевич (г. Ярославль)
- кандидат филологических наук, доцент
Тихомирова Алла Олеговна (г. Москва)
- Ведущая организация:** ГОУ ВПО «Мордовский государственный
университет им. Н.А.Огарева» (г. Саранск)

Защита состоится 1 марта 2007г. в 13.00 на заседании диссертационного совета Д 212.166.02 в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (603000, г. Нижний Новгород, ул. Б.Покровская, 37, ауд.312).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Лобачевского (603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23).

Автореферат разослан «__»_____2007г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Л.В. Рацибурская

Общая характеристика работы

В современной литературоведческой науке проблемное поле «мифологема» является одним из самых дискуссионных и сложных как в плане осмысления, так и в плане интерпретации. В культурной и научной парадигме XX века это связано с включением данного понятия в научную область философии, социологии и политологии, что повлекло за собой приобретение им новых дополнительных смыслов. Между тем, очевидно, что его существование в научном дискурсе литературоведения необходимо, т.к. мифологема описывает одну из центральных проблем мифопоэтического прочтения художественного текста – объединения в одном пространстве произведения единиц древнего архаического мышления и индивидуально-авторского мифотворчества.

В качестве центральной единицы исследования была выбрана мифологема «дом», так как для русской ментальности именно концепт дома стал своеобразным источником основного этнического потенциала, вобрав основные культурные знания и закрепив нравственно-этический кодекс поведения.

Архаическое мировоззрение, сформировавшее ядро представлений о феномене «дом», и историческое развитие, наполняющее данное семантическое поле новыми смыслами и значениями, трансформируется и вместе с тем актуализируется по-новому в XIX веке. Субкультура дома, имения, дворянской усадьбы на протяжении всего XIX века была одной из доминант русской культуры, получив наиболее разностороннее выражение в литературном творчестве. В усадебном быте выделялась его идеальная сущность, превращавшая функциональную принадлежность ее пространства в особый духовный мир метафор, аллегорий, олицетворений, символов. Во многом именно таковы пространственные образы усадеб в произведениях А.С. Пушкина («Евгений Онегин»), Н.В. Гоголя («Старосветские помещики»), И.А. Гончарова («Обломов», «Обыкновенная история»), И.С. Тургенева («Рудин», «Дворянское гнездо») и ряда других. В начале XX века в связи с коренными изменениями в общественном и индивидуальном сознании в художественном творчестве зазвучал мотив «падения русской усадьбы», нивелирования сакральной сущности данного макрокосма во имя его изначальной функциональности. Наиболее ярко этот мотив нашел свое выражение в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад», ставшей своеобразным символическим аккордом в теме разрушения дворянских гнезд.

Свое возрождение данная тема получила в прозе русского Зарубежья. Литература эмиграции как часть единого художественного пространства XX века характеризуется особой трагичностью, обусловленной прежде всего социально-историческими причинами. «Насильственно-добровольный» отъезд

из страны, потеря «своего» пространства, времени привели к активному использованию во многих произведениях концепта «память», означающего попытку воскресения прошлого во имя будущего. Особый тип репрезентации этого концепта можно наблюдать в автобиографической прозе, являющейся одной из главных составляющих художественного наследия русского Зарубежья.

Одна из главных задач автобиографической прозы – преодоление времени, возврат к своему изначальному «Я» и художественное осмысление его становления. В автобиографической прозе русского Зарубежья эта задача тесно смыкается с задачей преодоления пространства. Оторванность от России – дома не только биографического, но и духовного - повлекла за собой острое желание в своем творчестве преодолеть расстояние во имя возврата к «своему» пространству, «своему» прошлому, «своей» настоящей жизни. Таким образом, тема России, тема потерянной родины и, главное, тема осмысления своего «Я» в контексте русской культуры и динамике исторического процесса, становятся центральными в автобиографических произведениях эмиграции.

Особое значение образ дома приобрел в таких произведениях автобиографической прозы первой волны русской эмиграции, как «Жизнь Арсеньева» (1920-1932, 1936-1939) И.А. Бунина, «Подстриженными глазами» (1951) А.М. Ремизова, «Путешествие Глеба» (1937-1953) Б.К. Зайцева, «Вечер у Клэр» (1929) Г. Газданова, «Лето Господне» (1933-1948) И.С. Шмелева, «Другие берега» (первое русское издание - 1954) В.В. Набокова, «Времена» (год изд. 1955) М.А. Осоргина. Эмигрантская ветвь литературы XX века, во многом вобрав тенденции восприятия образа дома в русской классической литературе, наполняет духовное пространство данного феномена новыми смыслами. Кризисная ситуация дала возможность новому взлету русской литературы, определив основные темы и направления художественного творчества писателей эмиграции.

При всем художественном полифонизме произведений эмигрантской прозы в них четко прослеживается общая тенденция к возрождению вечной идеи, к проникновению вглубь истории и культуры через осмысление частного, личного опыта.

Предметом исследования выступает категория мифологемы «дом», взятая в ее актуальном, смысловом и эстетическом выражении в тексте. Исследование носит практический характер, в связи с чем следует отметить, что основное внимание в данной работе уделено художественной интерпретации мифологемы «дом» в автобиографических произведениях И.С. Шмелева и М.А. Осоргина.

Объектом исследования выступает автобиографическая проза первой волны русской эмиграции, рассматриваемая в русле мифопоэтического анализа художественного текста. Выбор в качестве *материала исследования* романов

И.С. Шмелева «Лето Господне» (1927 - 1931 и 1934 - 1944 гг.) и М.А. Осоргина «Времена» (изд. в 1955г.) объясняется, во-первых, главной структурообразующей и смысловой ролью мифологемы «дом» в этих произведениях и реализацией в них разных типов («векторов») ее художественной репрезентации в тексте. Во-вторых, анализ таких несхожих творческих систем, относящихся тем не менее к одной ветви развития русской литературы (первой волне русской эмиграции), раскрывает возможности анализа литературного процесса в его целостности и вместе с тем уникальности каждой из составляющих. Такое контекстуальное прочтение позволяет изучать творческую индивидуальность писателя в ее соотнесенности с художественными поисками одной эпохи.

Цель диссертационного исследования заключается в рассмотрении специфики художественного функционирования мифологемы «дом» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции (на примере романов И.С. Шмелева «Лето Господне» и М.А. Осоргина «Времена»).

В процессе достижения цели необходимо решить ряд **задач**:

- охарактеризовать основные научные подходы к пониманию мифологемы, выявить основные принципы организации и специфические черты репрезентации мифологемы «дом» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции;
- раскрыть многозначность и многоплановость художественного воплощения мифологемы «дом» в романе И.С. Шмелева «Лето Господне»;
- рассмотреть динамику формирования мифологемы «дом» в тексте романа М.А. Осоргина «Времена».

Актуальность исследования состоит в обращении к значимой для современного литературоведения проблеме развития неомифологического типа художественного сознания в русской литературе XX века и связана со спецификой методологического подхода: изучением произведений в аспекте раскрытия характера функционирования одной из доминантных единиц мифопоэтики – мифологемы.

Научная новизна исследования определяется, во-первых, постановкой проблемы. Попытки системного анализа категории мифологемы применительно к автобиографической прозе первой волны русской эмиграции не предпринимались; во-вторых, всесторонним изучением мифологемы «дом» в автобиографических произведениях И.С. Шмелева и М.А. Осоргина, где описываются основные модели ее функционирования на разных уровнях художественного текста (сюжетном, структурном и образном); в-третьих, полученные выводы об особенностях художественной интерпретации позволяют рассматривать мифологему «дом» с точки зрения ее ключевой роли в неомифологическом типе художественного сознания литературы XX века, получившей особое

значение в рамках автобиографической прозы первой волны русской эмиграции.

В исследовании использованы следующие **методы**: *сравнительно-исторический, историко-типологический*, а также способы *структурно-семантического и функционального анализа* текста. Стремясь избежать описательности, мы попытались сосредоточить внимание на общих законах поэтики жанра и использовали *структурно-генетический подход*.

Теоретическая основа исследования связана, во-первых, с классическими исследованиями по теории мифа Е. М. Мелетинского, В.Я. Проппа, В.Н. Топорова, О.М. Фрейденберг, Дж. Кэмпбелла, Л. Леви-Брюля, М. Хайдеггера, М. Элиаде, К.Г. Юнга; во-вторых, - с трудами современных исследователей-филологов, таких как, В.В. Заманская, Н.Н. Иванов, Е.А. Козицкая, А.С. Козлов, А.М. Минакова, Я.В. Погребная, С.М. Телегин, Т.А. Шарыпина. Методологическая база диссертации базируется, на исследованиях XX в., посвященных, с одной стороны, собственно мифопоэтике художественного текста, а также проблемам мифопоэтики в историческом освещении (труды Н.Л. Блищ, В.В. Заманской, С.И. Сухих), с другой, - категории автобиографического жанра в русском Зарубежье (работы Л.И. Бронской, В.Т. Захаровой, Н.И. Николиной, А.В. Ярковой). Для описания инвариантной структуры эпистолярного романа использована модель литературного жанра, предложенная М. М. Бахтиным; важное значение имели классические исследования по теории литературы М.М. Бахтина, Вяч. Вс. Иванова, Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана, А.И. Панченко. Философскую основу диссертационного исследования составили труды отечественных философов-эмигрантов – Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина.

Изучение художественного наследия И.С. Шмелева опирается на исследования Л.Н. Бронской, М.М. Дунаева, И.А. Есаулова, В.Т. Захаровой, А.М. Любомудрова, Е.А. Осьминой, О.Н. Сорокиной, Л.А. Спиридоновой, А.П. Черникова, С.В. Шешуновой др.

В качестве основы для изучения художественного наследия М.А. Осоргина были использованы работы Л.И. Бронской, Н.М. Деблик, Н.Б. Лапаевой, О.Г. Ласунского, ГИ. Лобановой, Т.В. Марченко, М.В. Нечаевой, А.В. Полупановой и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его предполагаемые результаты могут способствовать пониманию способов моделирования и формирования структуры авторского текста, служить изучению особенностей поэтики произведений И.С. Шмелева и М.А. Осоргина эмигрантского периода творчества, применяться для определения важнейших параметров «модели мира», выстроенной автором произведения по законам неомифологической поэтики.

Данное исследование позволяет углубить представление об общих путях развития художественной литературы Нового времени в ее взаимодействии с онтологическим и нравственным опытом архаических эпох. Результаты исследования дают возможность рассмотреть специфику воплощения категорий мифологической эстетики в творчестве И.С. Шмелева и М.А. Осоргина.

Практическая значимость исследования заключается в том, что представленный в ней материал может найти применение в изучении русской литературы XX в., в спецкурсах по мифопоэтике художественного текста на филологических факультетах, в практике школьного преподавания, при составлении учебных пособий для высшей и средней школы.

Апробация диссертации осуществлялась в форме научных докладов, прочитанных на научных конференциях: Международных (Н.Новгород, 2002), Всероссийских и межрегиональных (Санкт-Петербург, 2002; Ярославль, 2002; Екатеринбург, 2003), городских и внутривузовских (Н.Новгород, 2001-2006). По теме диссертационного исследования опубликовано 11 статей и монография (в соавторстве с профессором В.Т.Захаровой). Последняя публикация была выполнена при финансовом содействии Министерства образования РФ (Грант по поддержке научно-исследовательской работы аспирантов государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования (проект А03.-1.6-167)). Географическое пространство публикаций представлено такими городами, как Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Архангельск, Екатеринбург, Ярославль.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Мифологема рассматривается как центральная единица неомифологического типа художественного сознания и является основой методологии художника, призмой, сквозь которую автор преломляет биографические, социально-исторические и культурно-исторические реалии.
2. Пространственная мифологема «дом» в русской культуре обладает особой функцией, которая более всего затрагивает проблему идентичности. Дом - это целостная картина мира, а архетип дома связан с образом Космоса. Это пространство, отражающее модель мироздания. Обратной стороной мифологемы дома является феномен бездомности духа, неприкаянности и поиска «дома души» в странничестве.
3. Идея дома становится центральной в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции. Восприятие и художественное воплощение мифологемы «дом» в прозе русского Зарубежья укладывается в общую концепцию, получившую название «экстерриториальность».
5. В автобиографической прозе первой волны русской эмиграции реализована эстетическая идея гармоничного взаимодействия творческой памяти и ее

материального воплощения – текста. Доминантой при анализе мифологемы «дом» в художественном тексте будут два понятия – авторское сознание/подсознание в его многообразии и методологическая основа – память и ее основные художественные вариации.

6. В основе художественной репрезентации мифологемы «дом» в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» лежит идея православного постижения основ бытия и бережного сохранения незабываемых традиций русского народа. Основным принцип структурной и смысловой организации произведения – теоцентрический, а вектор становления души героя обусловлен растворенностью Бога «во всем сущем», что является постоянным стимулом нравственного совершенствования. Молитва – сакральное слово – составляет основу раскрытия составляющих образа дома на всех уровнях повествования.

7. В романе М.А. Осоргина «Времена» представлена попытка рассмотреть образ дома с точки зрения его личностной значимости, исторической обусловленности и трансисторической первопричины основы. Постепенное вырисовывание в тексте романа мифологемы связано с гармоничным взаимопроникновением личностно-значимых воспоминаний автора с незабываемыми вневременными законами Вселенной.

Структура и объем диссертации. Структура работы определяется поставленной целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трёх глав, каждая из которых, отражая различные аспекты поставленной проблемы, делится на параграфы, заключения и библиографического списка, включающего 221 наименование.

Во Введении комментируются основные теоретические понятия, используемые в диссертационном исследовании, дается обзор исследовательской и критической литературы, посвященной изучению творчества И.С.Шмелева и М.А. Осоргина, приводится формулировка целей и задач.

На сегодняшний день продолжает оставаться актуальной достаточно не изученная проблема типологических «схождений» прозы писателей русского Зарубежья. Среди имен, с которыми сопоставляется художественный мир И.С. Шмелева, называют имена Б.К. Зайцева, С.Н. Сергеева-Ценского, И.А Бунина, М. Горького, А. Платонова...При анализе поэтического мира М.А. Осоргина, в свою очередь, привлекаются произведения В.В. Набокова, И.А. Бунина, А. Белого, А.М. Ремизова, Б.К. Зайцева, М.А. Булгакова...Такое контекстуальное прочтение позволяет изучать творческую индивидуальность писателя в ее соотнесенности с художественными поисками одной эпохи.

Правомерным, думается, было бы обращение к романам И.С. Шмелева «Лето Господне» и М.А. Осоргина «Времена» с точки зрения анализа художественной интерпретации мифологемы «дом» сквозь призму авторского

сознания, поскольку, с одной стороны, всеми исследователями признается предельная значимость образа дома в прозе И.С. Шмелева и М.А. Осоргина, отмечается космичность охвата событий писателями и ориентация на архетипические культурные константы, с другой - эта проблема до сих пор не становилась предметом специального рассмотрения в сопоставительно-типологическом плане. Исследование данных произведений автобиографической прозы первой волны русской эмиграции в рамках мифологического анализа художественного текста позволит выйти на глобальную проблему создания картины единой национальной культуры, отражения «целостности как литературного процесса, так и творчества отдельных писателей..., где бы они не находились – в России или за ее рубежами»¹.

Первая глава «*Понятие мифологемы в парадигме гуманитарного знания*» посвящена осмыслению генетической и когнитивной природы мифологемы как ключевого компонента художественной мифопоэтики XX века, анализу специфики ее художественной репрезентации в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции и определению методологических основ анализа мифологемы в художественном тексте.

Одним из наиболее перспективных в современном отечественном и зарубежном литературоведении является методология мифопоэтического прочтения текста. В связи с этим особую актуализацию получает научная интерпретация таких ключевых понятий неомифологической поэтики, как «*архетип*» и его художественные варианты - «*лейтмотив*» и «*мифологема*».

Мифологема как атрибут некой интегральной реальности человеческой культуры, стала аккумулятором совокупного опыта человечества, актуализируя собой процесс мифотворчества. В древности познание, осмысление и оценка мира, эксплицированные в мифологическом творчестве, формировали ряд довольно устойчивых образов, которые в свою очередь обуславливали константность сюжетов мифов и их временной непроницаемости. В процессе динамики развития культуры в художественном творчестве в рамках обогащения образов текста стали вновь возникать мифологические сюжеты, схемы, модели, используемые писателями разных эпох для смыслового обогащения художественных текстов.

В связи со смысловой насыщенностью и вариативностью мифа и его производных понятие мифологемы интерпретировалось исследователями разных школ в зависимости от выбранного ими подхода к самому процессу мифопорождения.

В настоящей работе в качестве основных были выделены два подхода – *диахронический* и *синхронический*. Концептуальные основы *диахронического*

¹ Николюкин, А.Н. О целостности русской литературы (1920-30-е годы) / А.Н. Николюкин // Российский литературоведческий журнал. Теория и история литературы. – 1994. - №. 3. С. 3 - 8. – С. 7.

подхода, нашедшие свое отражение в трудах К.Г. Юнга, продолжили свое существование в работах А. Альварес де Миранды, И.М. Дьяконова, А.С. Козлова и ряда других исследователей. Согласно этому подходу, в мифологеме выделяется прежде всего ее укорененность в древних пластах человеческого сознания: проявляясь в художественном тексте современности, мифологема несет на себе нагрузку древнего образа, сюжета или мотива, на материале которого можно сконструировать как мифологический сюжет, так и сюжет художественного произведения.

Синхронический подход к понятию мифологемы, которому, как нам кажется, соответствуют работы А.М. Минаковой, Я.В. Погребной, Н.Г. Полтавцевой, С.М. Телегина и ряда других исследователей, связан с поиском не только древних архаических мифологем, но и современных политических и социально-исторических. При данном подходе мифологема не только аккумулирует в себе опыт прошлого, но и актуализирует новую реальность со всеми ее символами, знаками, концептами: в роли мифа может выступать не только мифология в узком смысле, но и исторические предания, бытовая мифология, историко-культурная реальность предшествующих лет, тексты прошлого и т.д.

Художественный текст представляет собой сложную многоуровневую структуру, где все знаки изображаемой реальности и ирреальности представляют собой результат прежде всего творческой активности и специфики сознания автора. Мифологема, как ключевой компонент неомифологической эстетики, находит свое наиболее адекватное воплощение в неомифологическом типе художественного сознания. Ощущение кризиса цивилизации, нарушения причинно-следственных связей, страха перед будущим подтолкнуло ряд философов, художников, историков XX века к обращению к древнейшим мифологическим моделям с целью поиска констант для восстановления мировой гармонии, утверждения идеи преемственности и закономерности истории и культуры. В таком типе сознания художественный мифологизм трансформирует черты как персональной авторской, так и социально-исторической и над-исторической реальности.

В настоящей работе мы рассматриваем мифологему с точки зрения неомифологического типа художественного сознания, обуславливающего особый подход к созданию художественного текста, и понимаем ее прежде всего как основу модели, с помощью которой художник создает особый целостный образ, когда действия становятся результатом нахождения нетривиальной мыслительной схемы, подсказанной образами мифологического символического пространства.

Для художественного анализа нами выбрана мифологема «дом». Топос дома, имея первоначально материальную и функциональную природу, расширяя свое смысловое поле за счет приобретения новых, прежде всего

духовных смыслов, выступает своеобразной смысловой константой, значимой для различных культурных эпох. Также образ дома, несомненно, является одной из мировых художественных доминант, обладающих сложной полисемантической структурой.

Идея дома приобретает особое значение для автобиографической прозы русского Зарубежья (в особенности, для первой волны русской эмиграции). Поиск и формирование «идеального» образа дома в автобиографической прозе русского Зарубежья стали универсальным художественным кодом к ее интерпретации. Общность этого нужно искать в причинах самой эмиграции, создавшей для многих писателей, поэтов, историков, философов ситуацию «бездомья» - чужие дома, съемные квартиры, неродные места. В результате этого их «экстерриториальная душа» искала нравственные и душевные опоры в доме прошлого, оставшегося в России. Но в том числе причины надо искать и в системе мифов, в которых возрастала послереволюционная советская культура, в мифологической ориентации культурного сознания XX века и мифотворчестве самих художников.

Дом в произведениях первой волны русской эмиграции выступает в роли того пространственно-временного континуума, который как в зеркале отражает внешний мир или противостоит ему своим - домашним порядком. Так возникает хутор Бутырки Елецкого уезда (Каменка) у И.А. Бунина («Жизнь Арсеньева»), Замоскворечье у И.С. Шмелева («Лето Господне»), село Усты Жиздринского уезда у Б.К. Зайцева («Путешествие Глеба»), дом в Перми у М.А. Осоргина («Времена»).

Выделение мифологемы в художественном тексте и ее концептуальное описание не может быть стихийным и требует четких методологических приемов. В качестве опорной единицы в настоящем исследовании предложено выделить категорию *памяти*, так как она наиболее адекватно отражает суть жанра автобиографии первой волны русской эмиграции. На наш взгляд, многомерность повествовательного пространства обусловлена вариативностью творческой памяти автора: ассоциативной, перцептивной, генетической, житейской и биографической. В мифопоэтике произведения при взаимодействии структурных компонентов мифотворчества каждый вид памяти рождает свое смысловое пространство. Основой для анализа мифологемы в художественном тексте станет ее последовательное «встраивание» в каждый из контекстов творческой памяти автора.

Во второй главе *«Дом как центр национального православного макрокосма в романе И.С. Шмелева «Лето Господне»* на сюжетном, структурно-композиционном и идейном уровне определяются доминанты художественной репрезентации мифологемы «дом» в тексте романа И.С. Шмелева «Лето Господне».

Уже в ранних рассказах И.С. Шмелева («Под небом», «Поездка») проявляется стремление автора к космическому охвату событий, умение за бытовой ситуацией увидеть первооснову человеческой мысли. Идея возвращения, стремление к циклическому мироощущению доминируют в этих рассказах, выделяя их из ряда других. Но вершиной философско-религиозного осмысления праснов русской жизни, истинно народного сознания является автобиографическое повествование «Лето Господне» (1927-1931 и 1934-1944 гг.), в котором представлена одна из художественных модификаций мифологемы «дом».

В своей книге И.С. Шмелев решил увековечить истинно народный облик России, представив календарность и цикличность в качестве основы сознания русского человека. Календарный и событийный круговорот православных и народных праздников и бытовых и бытийственных радостей образовал невидимую защиту от исторических переломов, делая историю русского народа вечной. При этом воссоздаваемые памятью картины не имеют строго упорядоченной и логически выстроенной канвы: решающее значение автор придает произвольной памяти, связанной или с каким-то одиночным ощущением, или с целым комплексом впечатлений.

Воспоминания о своем детстве, на которых строится сюжетная канва повествования, тесным образом связаны с тремя ключевыми понятиями. *Историческая память* сопряжена с историей культуры, традиций и веры русского народа, обуславливая структурное строение самого текста произведения, опирающегося на годовой цикл христианских и народных праздников. *Социальная память* характеризует воспоминания писателя-эмигранта о своей Родине и представлена посредством оппозиции «дом / чужбина». Уровень *прапамяти* связан с приобщением главного героя к «началам». Все ритуалы, обряды, действия, совершаемые в доме, – все это в своей основе подчинено древнейшим законам народной веры.

Историческая память в художественном мироощущении И.С. Шмелева имеет свою исконную и потому необходимую связь с этнической памятью русского народа. Историческое время для писателя не отождествляется с линейно зафиксированными датами календаря истории: нарочито отходя от этого, в повествовании «Лето Господне» И.С. Шмелев отождествляет историю с памятью традиций народа, культуры России. Мифологема «наш двор» в данном контексте становится своеобразной микромоделью русской культуры.

Посредством социально-исторического опыта писателя образ дома, смыкаясь с образом России, приобретает особое смысловое наполнение. В центре *социально-исторического* пласта повествования представлена оппозиция «дом / чужбина». Общий «осевой» принцип построения романа «Лето Господне» на этом уровне реализуется следующим образом. Горизонтальная ось представляет собой концепцию исторического времени и

пространства: «здесь» - это настоящее для писателя (эмигрантский период), «у нас» - его прошлое, дом-Россия в целом. Особенно ярко это выражено в главе «Рождество» (единственной, в которой повествование полностью ведется от лица автора): «Снежок ты знаешь? *Здесь* он – редко, выпадет – и стаял. А у нас повалит – свету, бывало, не видать, дня на три!»; «А какие елки!... Не так, как *здесь*, - тычинки. У *нашей* елки... как отогреется, расправит лапы, – чаща»². (Курсив мой – М.А.). Вертикальная ось реализуется посредством воспоминаний автора о своем биографическом прошлом. При этом образ дома модифицируется из конкретного подмосковного дома в символ детства в целом. «Сумеречное небо, тающий липкий снег, призывающий благовест... Как это давно было! Теплый, словно весенний, ветерок... - я и теперь его слышу в сердце»³. Потеря Родины для И.С. Шмелева – это, прежде всего, потеря национального достояния, богатейшего культурного наследия, в котором одним из главных условий является слитность и единство календарного цикла праздников с православным их осмыслением.

Уровень *прапамяти* в романе «Лето Господне» актуализирует древние пласты человеческого сознания. Здесь дом выступает как древнейший центр культуры, связанный с архетипической образностью.

Одной из таких архетипических универсалий в романе предстает модификация архетипа Матери, сопряженного с образом Дома. С Божественным началом, обретением Рая связан образ Богородицы, Царицы небесной, которая является наивысшим персонифицированным вариантом воплощения архетипа Великой Матери. В этом образе сконцентрированы многочисленные представления человека о Небесном Рае. «Она восходит по ступеням, и лик Ее обращен к народу, и вся Она блистает, розово озаренная ранним весенним солнцем»⁴.

Первопорядок в доме, своеобразный источник мудрости и обрядовости народной транслируется в романе с помощью образа прабабушки Устиньи, которая имплицитно выражает и материнские функции. Маленький мальчик с рождения приобщается к «началам»: все ритуалы, молитвы, обряды, действия – все это связано с первоосновой, а именно с предшествующими поколениями. Прабабушка Устинья отражает первопорядок в храме дома.

Все «начала», постигаемые героем в детстве, в конечном итоге связаны с познанием двух амбивалентных экзистенциальных категорий: жизни и смерти. Вопрос об их сопряжении является постановочным и оттого смыслообразующим в романе И.С. Шмелева. Экзистенциальная ситуация в романе (болезнь и смерть отца) нарушает привычный миропорядок в доме, влияя на смещение привычной каждодневной «радости» жизни героев. Но

² Шмелев, И.С. Собр.соч.: в 2т. – М.: Художественная литература, 1989. – Т.2. – С.258, 259.

³ Там же. С.184.

⁴ Там же. С.237

одновременно с этим ситуация смерти в произведении может рассматриваться как проводник художественной модификации древнего обряда инициации героя, связанного с переходом из состояния детства в стадию духовной зрелости. Во время болезни отца миропорядок, ощущение незыблемости жизненных «начал», до сих пор не вызывающих сомнения в душе героя, нарушается. Возникает угроза конечности сознания и, следовательно, мира. Нарушение древнего порядка в сознании героя приводит его к сомнению в справедливости Бога: «А мы...сиротки останемся? Богу ведь тоже сироток жалко, а? Я каждый день два раза за папашеньку молюсь... детская-то молитва доходчива, ты же говорил!..»⁵. Детское сознание не готово правильно воспринять смерть как «абсолютное начало», так как речь идет о самом близком человеке. Изначальное восприятие смерти героем только с точки зрения ее телесного начала создает проблему, мешающую постигнуть вторую ипостась – «духовную», связанную с божественным началом и с феноменом бессмертия. Герой приходит к пониманию «бессмысленности жизни», и только сон (испытание души, ощущение причастности к тайнам бытия) и молитва (часть обряда инициации, открывающего православный вариант восхождения к небесной мудрости) в конце произведения осуществляют преодоление телесности смерти во имя неизбежной жизненности, открывающей возможность вечного духовного бессмертия.

Третья глава «Динамика художественного осмысления образа дома в романе М.А. Осоргина «Времена: от топоса к мифологеме» посвящена анализу образа дома в романе М.А. Осоргина «Времена».

Автобиографический роман М. Осоргина «Времена», вышедший уже после его смерти (в 1955 году) – труд всей жизни писателя. Этот роман, ставший итоговым в осмыслении многих вопросов, вобрал в себя черты, образы, стилистические приемы произведений разных лет. Так, в книге «Из маленького домика» (1918) появляется образ, ставший доминантным в художественном сознании писателя, - образ дома, посредством которого решаются многие художественные задачи произведений; в романе «Сивцев вражек» (1928) происходит осмысление национальной катастрофы сквозь призму дома одной семьи; книга «Происшествие зеленого мира» (1938) – сочинение писателя-натуралиста, который предается своему любимому делу, – созерцанию природного мира.

В романе «Времена» представлен процесс освоения человеком пространства – биографического, исторического и природного – при этом путешествие совершается посредством переживания и нового осмысления материала, накопленного ранее в «доме воспоминаний» автора. Центральная оппозиция романа - «прошлое / настоящее», которая тесным образом связана с

⁵ Шмелев, И.С. Собр.соч. – Т.2. - С. 506.

концептом «память», - дается в произведении М.А. Осоргина «...в утешение уже не имеющим будущего»⁶.

Автобиографическое начало в романе, на первый взгляд, должно предполагать традиционную хронотопическую организацию: последовательное расположение материала и последовательное описание героем своей жизни. Однако в данном произведении традиционны лишь постепенное расширение пространства и убыстрение времени, связанное с выходом из мира детства во взрослую жизнь, обогащением личного опыта, а также использование устойчивых для автобиографий пространственных образов, обретающих характер символов (хронотоп дома детства, хронотоп природного мира, хронотоп дороги, пути).

Роман М.А. Осоргина «Времена» представляет собой особый тип воскрешения в литературе мифа о русском доме. Несмотря на насыщенность в романе данного топоса признаками, являющимися традиционными для русской культуры в целом (наследие русской классической литературы – Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, А.Н. Толстого), он представляет собой персонифицированный художественный вариант его осмысления. Автора интересует дом, составляющий пространственную и духовную основу концепта памяти человека и человечества. Процесс становления «Я» героя, его самопознания и познания мира осуществляется в русле двух базовых пространственных систем, тесно связанных друг с другом: пространства дома, изображаемого как микрокосм, и пространства природного мира, создающего в конечном итоге макромодель Вселенной. При этом в сопряжении масштабного, макрокосмического с личностно значимыми единицами быта героя проявляется всеединство национального и общечеловеческого с индивидуально-авторским постижением жизни.

Художественным инвариантом восприятия исторических событий в тексте романа «Времена» является оппозиция «свобода / неволя». Понятие свободы превосходит в сознании героя саму жизнь, она выше жизни; понятие неволи имеет разветвленную структуру, которую можно представить в виде следующей смысловой цепочки: чулан – гимназия – тюрьма – Европа. Объективное историческое прошлое страны не вмещается в рамки авторского сознания, но оно, тем не менее, причастно и Со-причастно ему. В тексте романа данное противопоставление проявляется и в авторских сравнениях русского и европейского национального менталитета, и в характеристике природы «здесь» и «там», и в метких эпитетах и метафорах. Их апофеоз предстает в конце произведения, где эксплицируется сущность жизненной позиции, занимаемой автором. «К сожалению, не всякое растение легко выдерживает пересадку и прививается в чужом климате и на чужой земле. Я почувствовал себя *дома* на

⁶ Осоргин, М.А. Времена. Происшествия зеленого мира / М.А. Осоргин. – М.: НПК «Интелвак», 2005. – С. 7.

берегах Камы и Волги, в Москве, в поездках по нашей огромной стране..., даже в тюрьмах; вне России *никогда не ощущал себя «дома»*, как бы ни свыкался со страной, с народом, с языком. Это не патриотическая чувствительность, а природная неспособность к акклиматизации»⁷. (Курсив мой – М.А.).

Биографическая хроника в романе органично вплетается в художественную концепцию природно-культурного круговорота, где все живое – единицы «тела Вселенной». Традиционный для русской прозы начала XX века пантеизм соединяется с ностальгическим воображаемым возвращением в лоно русского мифа. Эта циклическая образность природокультуры, компенсирующая разрыв с реальной Россией, стала одним из главных сюжетов изгнанничества в целом.

Хронотоп дома и хронотоп природы не существуют в сознании героя автономно, а объединяются в единый макромир, с помощью чего возникает гармоничное единство земного быта и вселенского бытия. Образ реки, тесно связанный в сознании героя с образом дома, приобретает в тексте романа мифологический подтекст. Мы можем выделить несколько уровней осмысления автором этого образа. Во-первых, *лично-экспрессивное* осмысление реки: «меня тянет к воде как пьяницу к алкоголю», «у нас, людей речных...», «я был и остался сыном матери-реки и отца-леса»⁸. Во-вторых, *ритуально-архаическое* поклонение ей: «я не могу представить себе большую реку иначе, как живым существом не нашего, чудесного измерения, пожалуй – как божеством»⁹. В-третьих, *архетипическое*, представляющее образ реки как пространственную и персонифицированную модификацию архетипа матери: «и мое семя *вычерпано* со дна реки Камы», «и я уже старый, все *пребываю в материнском лоне*, упрямый язычник»¹⁰ (Курсив мой. – М.А.).

В романе М.А. Осоргина «Времена» представлено несколько смысловых центров мифологемы «дом» - дом родителей, квартира в Москве, река Кама. Тем не менее, своеобразным нравственным императивом, обобщающим все варианты воплощения мифологемы, становится образ хижины Робинзона: именно от него, как от главного центра, расходятся концентрические смысловые круги, составляющие структурную и художественную основу произведения.

«Цель жизни есть сама жизнь», не раз отмечается в романе. А жизнь в созданном автором романе есть путешествие вглубь бытия как отдельного человека, так и целого человечества. Единственно реально лишь прошлое: такая категория, как будущее, в художественной системе М. Осоргина довольно условна. Высшими ценностями человеческого бытия провозглашается вечный возврат к покою вчерашнего, а не суетливость

⁷ Осоргин, М.А. Времена. Происшествия зеленого мира. – С. 183.

⁸ Там же. – С. 142, 29, 9.

⁹ Там же. – С. 29.

¹⁰ Там же.

сегодняшнего дня, вечная память, традиции, культура. Мифологема «дом» в данном контексте есть свое Бытие, есть путешествие. Модель художественного пространства романа, центральным звеном которого является образ дома, представленный в различных вариантах, условно представлен как путь героя от одного дома к другому, при этом каждый новый дом (и, следовательно, каждый новый этап развития образа) несет свою уникальную смысловую нагрузку в авторской картине мира. Топос каждого возникающего в романе «дома» постепенно трансформируется в мифологему, воспринимаемую автором как место личного и общечеловеческого со-бытия.

В Заключении подводятся итоги исследования: объединены наблюдения предыдущих глав, выявлены основы репрезентации мифологемы в художественных текстах исследуемых романов, намечены перспективы дальнейшего изучения темы. Мифотворчество прошло сложный многовековой путь от наивных архаичных схем устройства мира и космоса, от сказаний о деяниях первопредков (культурных героях) к нынешним весьма усложненным мифологическим формам, которые реализуются в художественном творчестве, современной политологии, социологии и т.д.

Центральные элементы акта мифотворчества - мифологемы, их содержание и структура - изменялись на разных этапах развития человечества, отдельных народов и культур, но неизменной остается их этиологическая природа.

В художественном тексте мифологемы имеют свое, совершенно уникальное воплощение. Они приближают древнюю историю человечества, репрезентируя собственно архаический миф или его часть (хотя такое явление присутствует в литературе). Но самая главная функция мифологем – это то, что она дает возможность для создания новой мифологизированной реальности. Мифологема как центральный компонент неомифологического типа художественного сознания, становится частью некоего универсального способа мирочувствования: автор-мифотворец соединяет в одном тексте истоки архаического сознания, исторический и социальный опыт и, наконец, личное биографическое начало. Он ощущает миф не как нечто застывшее, а как живую реальность, часть субъективного мира.

Проанализированная в работе автобиографическая проза русского Зарубежья старательно сохраняла миф-воспоминание в качестве основной доминанты мировосприятия, ядром которого стала мифологема «дом», сопряженная в сознании писателей с образом России. При всем полифонизме художественных произведений эмигрантской прозы четко прослеживается общая тенденция: идеализация, связанная с воссозданием в произведении «ушедшей России» с целью преодоления феномена «экстерриториальности».

Роман И.С. Шмелева «Лето Господне» и роман М.А. Осоргина «Времена» при общности жанровой и специфики и многих тем и сюжетов представляют

собой два типа воскрешения в литературе мифа о русском доме. Несмотря на насыщенность в романах данного топоса признаками, являющимися традиционными для русской культуры в целом, они представляют собой прежде всего персонифицированный художественный вариант его осмысления. Писателей интересует дом, составляющий пространственную и духовную основу концепта памяти. При этом процесс становления «Я» героя, его самопознания и познания мира осуществляется в русле различных векторов: в романе И. Шмелева это вектор пути души человека к познанию и принятию национального религиозного инварианта ключевых концептов бытия; в романе М.Осоргина жизненный и духовный путь героя тесно связан с освоением базовых пространственных систем, сопрягаемых и взаимопроникаемых: пространства дома, изображаемого как микрокосм, и пространства природного мира, создающего в конечном итоге макромодель Вселенной. Кроме того (и это является отличительной особенностью обоих романов) в единении масштабного, макрокосмического с отдельными элементами моделирования новой реальности проявляется единство национального и общечеловеческого с индивидуально-авторским постижением жизни.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Анисимова, М.С. Динамика художественного осмысления образа дома в романе М. Осоргина «Времена»: от топоса к мифологеме / М.С. Анисимова // Вестник Поморского ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. - 2006. - № 7. - С. 165 - 171.
2. Анисимова, М.С. Мотив возвращения домой в русской народной сказке и автобиографической прозе русского Зарубежья / М.С. Анисимова // Детская литература и детская книга: актуальные проблемы изучения, преподавания и интерпретации: материалы межвуз. науч.-практ. конф. - Ярославль, 21-23 ноября 2001г. - Ярославль : ЯГПУ, 2002. - С. 30-33.
3. Анисимова, М.С. Роман И. Шмелева «Лето Господне»: к вопросу трансформации мифа о вечном возвращении / М.С. Анисимова // Традиции в русской литературе: межвуз. сб. науч. тр. Н.Новгород : НГПУ, 2002. - С. 164 - 175.
4. Анисимова, М.С. Архаические константы природного мира в художественном тексте. К вопросу интерпретации одного «воплощения» в романе М. Осоргина «Времена» / М.С. Анисимова // Природа: материальное и духовное: тез. и докл. Всерос. науч. конф. ин-та рус. лит. (Пушкинский дом) РАН и Ленинград. гос. обл. ун-та им. А.С.Пушкина «Пушкинские чтения - 2002». – СПб., 6-7 июня 2002 г. - СПб. : ЛГОУ, 2002. - С. 175 - 178.

5. Анисимова, М.С. Жанрообразующие признаки автобиографической прозы русского Зарубежья (художественная автобиография как микро модель культуры) / М.С. Анисимова // Проблемы литературного образования: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы филологического образования: наука - вуз - школа». В 5-ти частях. Ч. 3. - Екатеринбург, 25-26 марта 2003г. – Екатеринбург: ин-т филол. инноваций «Словесник», 2003. - С. 13 - 22.
6. Анисимова, М.С. Художественная реализация смыслового единства «смерть - бессмертие» в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» / М.С. Анисимова // Православная духовность в прошлом и настоящем: материалы XII Рождественских православно-философских чтений. - Н.Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 2003. - С. 406 - 411.
7. Анисимова, М.С. Изучение соотношения «автор-герой» в автобиографической прозе русского Зарубежья / М.С. Анисимова // Новое прочтение отечественной классики: метод. рекомендации. - Вып.7. - Н.Новгород: НГПУ, 2004. - С. 65 - 69.
8. Анисимова, М.С. Пространственные системы в интерпретации художественного мира русской усадьбы / М.С. Анисимова // Анализ художественного произведения мировой литературы в школе и вузе: метод. рекомендации для студентов филологич. ф-та. – Вып. XI. Н.Новгород: НГПУ, 2003. - С. 98 - 105.
9. Анисимова, М.С. Образ дома в романе М.Осоргина «Времена»: от топоса к мифологеме / М.С. Анисимова // Жизнь провинции как феномен духовности: материалы междунар. науч. конф. - Н.Новгород, 22-23 апреля 2004г. - Н.Новгород: изд-во «Вектор - ТиС», 2004. - С. 65 - 69.
10. Анисимова, М.С. Художественное восприятие пространства дома в автобиографической прозе (на примере автобиографической трилогии М. Горького и романа И. Шмелева «Лето Господне») / М.С. Анисимова // Максим Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения. – 2002: материалы Междунар. конф. - Н.Новгород, 27-29 марта 2002г. - Н.Новгород: изд-во Нижегород. ун-та, 2004. - С. 275 – 282.
11. Анисимова, М.С. Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе русского Зарубежья: монография / М.С. Анисимова, В.Т. Захарова. - Н.Новгород: НГПУ, 2004. - 154 с.
12. Анисимова, М.С. История и ее свидетели в романе М. Осоргина «Времена» / М.С. Анисимова // Русско-зарубежные связи: межвуз. сб. науч. тр. – Н.Новгород: НГПУ, 2006. - Вып. II. - С. 68 - 72.